

The lingvorhetorical means which are used by the author of the mediatext to set and support the contact with the reader are described in the article (on the base of informational-analytical internet-texts). The next ways of making contact with the reader have been established in the result of the research: appeal, rhetorical question, reply of the author, compositional question, «question-answer»-form, cooperation with the reader and exclamatory sentence. The functions of those means are described in the article as well.

Key words: informational-analytical mediatext, lingvorhetorical mean, author, contact with the reader.

Статтю отримано 10.11.2014 р.

УДК 811.161.1'42:316.277.4

КАРДАШОВА Елена Владимировна,

преподаватель кафедры русского языка Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; Харьков, Украина;

e-mail: murzila@ukr.net; тел.: + 38 093 3537430

«БЕЗРАЗЛИЧНОСТЬ, ИЗ КОТОРОЙ ТКЁТСЯ ТКАНЬ ЖИЗНИ»: «СРЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК», СУБЪЕКТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация. Публикация посвящена проблеме определения субъекта обыденного дискурса. Субъект обыденного дискурса может быть описан посредством обращения к стереотипным моделям идентификации и самоидентификации, таким как «простой человек», «обычный человек», «обыватель», «средний человек». Каждая из них обладает целым спектром значений; актуализируемых в той или иной речевой ситуации. Конкретизируя значения, присущие стереотипным моделям, можно установить, как концептуализирован субъект обыденного дискурса в сознании носителей русского языка. Модель «средний человек» обнаруживает важные для понимания сферы обыденного значения «середины» как ограниченного пространства.

Ключевые слова: повседневность, обыденный дискурс, субъект обыденного дискурса, стереотипная модель идентификации, «средний человек».

Феномен повседневности, сфера каждодневного и органически связанный с ней обыденный дискурс являются областью особого исследовательского интереса. Повседневность представляет собой важный и неотъемлемый план жизни каждого человека, включает сферу привычного, близкого, родного — всего, что «укореняет» человека в бытии. В то же время именно в силу своей близости, очевидности каждодневное оказывается областью практически неопределимой, «несхватываемой», зоной неявных значений. Какие семантические перспективы открывает сфера обыденного перед человеком повседневности? Какие возможности смыслообразования доступны ему как субъекту обыденного дискурса? Ответить на эти вопросы можно, воссоздав, реконструировав образ участника повседневности, как он представлен в русской лингвокультуре. Одним из способов подобной реконструкции может служить обращение к моделям (само)идентификации субъекта обыденного дискурса. В качестве таких моделей могут выступать выражения «обычный / обыкновенный человек», «простой человек», «обыватель», «рядовой человек». Значения, задающие «семантический горизонт» участника повседневности, можно определить, анализируя высказывания, тексты, содержащие подобные выражения-идентификаторы¹. В настоящей публикации мы останавливаемся на модели «средний человек» и — шире — на значениях «середины» и той роли, которую они играют в становлении семантического пространства обыденного.

Повседневность и человек в повседневности могут быть описаны посредством обращения к понятию «середины»: со «средним» нередко ассоциируется обыденное, будничное, житейское и бытовое (1); с помощью значений «среднего» характеризуется участник повседневности — «обыкновенный / обычный человек», «простой человек», «маленький человек», «обыватель»² (2).

¹ В качестве источника языкового материала использован национальный корпус русского языка [2]: основной, устный и газетный. Контексты, взятые из Национального корпуса русского языка, даны в тексте курсивом. В настоящей публикации мы обращаемся не только к выражениям, которые содержат идентификатор «средний человек», но и к другим высказываниям, характеризующим человека повседневности и обнаруживающим значения «середины».

² Заметим, что большая часть контекстов содержит характеристику «среднего человека» «со стороны», «извне» (как правило, говорящий квалифицирует как «среднего» не себя самого, а кого-то другого); тем не менее, мы привлекаем их для определения семантической области обыденного, поскольку они дают представление о том, как осмыслен человек повседневности в русском лингвокультурном пространстве.

(1) «Нормальность» — то есть нечто **среднее, обыденное, не масштабное; Обычный, будничны́й, средний опыт подсказал; По пути страдает и самоубивает среднее Я (бытовое, маленькое)**. (2) Родители Юлии Дмитриевны были **обыкновенные средние люди с обыкновенной средней наружностью; [Виктор Михайлович Василенко, муж, 1905] Ведь те / кто его окружал в том же Кисловодске / в Пятигорске / это были средние маленькие люди / офицерики / пошловатые**. Ср.: *...не бог Саваоф сидит, а обыкновенный человек средних лет и средней наружности*.

Характеристика человека как «среднего» свидетельствует о его принадлежности большинству, группе, некоторой общности. Значения принадлежности подтверждают связь значений середины и субъекта обыденного дискурса: сопричастность некоему единству принципиально важна для самоопределения «простого», «обычного», «обыкновенного» человека; в сложных отношениях с целым (миром, обществом, государством) находится «маленький человек». Так что «середина» как характеристика повседневности здесь имеет значение множественного, неединичного; общего:

...История равнодушна к человеку, [...] она интересуется не человеческим, а государством, нацией, цивилизацией, [...] имеет дело, прежде всего, со средним человеком, с массой; Везде большинство — средние люди, подвижная масса; Средний человек, человек стадный, вырванный из толпы, — вот достойные современной беллетристики...

Семантика «середины как принадлежности группе» включает также область значений «среднего» как «типичного»; «средний человек» может быть осмыслен как «типичный представитель биологического вида», «типичный представитель социальной группы» и т. п. (1). Семантика общности прослеживается в контекстах, где о «среднем человеке» говорится как о статистической, демографической единице, условной величине, выводимой для множества (2). Значения «среднего» как «типичного» имеют выход к смысловым областям, задаваемым понятиями нормы, стандарта, правила (3).

(1) *Представьте, средний человек спит по 8 часов в сутки, а бодрствует 16; Шкала IQ сконструирована таким образом, чтобы значению 100 соответствовал IQ «типичного среднего человека» (что бы этот термин ни означал)*. (2) *Рассчитывается он как количество наборов прожиточного минимума, которое средний человек может купить на среднедушевой денежный доход; Медики подсчитали, что из всех эмоций, которые средний человек испытывает в течение жизни, 45 % приходится на негативные, 35 % — на нейтральные и всего лишь 20 % — на положительные; Ср.:...я не буду представляться, поскольку я не ученый, я представляю среднестатистического обывателя...* (3) *...чтобы среднему человеку работать нестандартно, ему нужно превзойти предел своей нормальности. Если у вас рост и вес в пределах нормы и психика без особых загибов, то и работать вы будете средне*.

Связь «середины» и нормы даёт представление об области смыслов, которую условно можно назвать значениями «центра». Середина ассоциируется с «сердцевиной», «ядром», основой и опорой; присутствие «среднего» — залог устойчивости и постоянства, стабильности и благополучия:

...На фоне общепризнанных идиллических картинок благополучного среднего человека, опоры демократии, морально зрелого, добросовестного налогоплательщика и добропорядочного семьянина; Да и кто, собственно, эти обыватели, «благополучные мещане»? И о ком и о чем заботятся вообще революционеры, если они так презирают среднего человека и его благополучие? Ср.: Хорошие молодые ребята, симпатичные девочки, буржуазные тетеньки, сосредоточенные дяди. Сердцевина общества, опора жизни, обыватель.

«Середина — центр» может быть явлена как «золотая середина» — гармонизирующее начало (1); «область среднего» — это царство равновесия, пропорции, меры (2)¹:

¹ Подобное представление о середине-центре генеалогически восходит к мифологической модели мира и ее концепции срединного пространства. Во многих мифологических системах середина («середина мира») является источником гармонии во Вселенной; мифологические предметы, ассоциирующиеся с центром мира (алтарь, трон и пр.), и соответствующие мифологические персонажи (Гестия, Аполлон Дельфийский, Один, принёсший себя в жертву на мировом древе, и пр.) или жрецы (пифия в Дельфах, камлающий у дерева шаман) всегда служат источником социальной, культурной, информативной и т. п. регуляции коллектива» [4, с. 128]. М. Элиаде в своём «Трактате по истории религий», рассуждая о символике центра, характеризует середину как пространство иерофании, единственно реальное, подлинное «пространство творения» — источник бытийной силы [13, с. 89]. «Середина как элемент порождающий предстаёт как носитель порядка и чистоты — отсюда представления о срединном местоположении первоначального рая, о постепенной порче вселенной по мере её удаления от центра, отождествление периферии с хаосом, а также идеализация «срединных» категорий» [4, с. 128]. В эдических мифах середина является местом пребывания всего благого [5, с. 69]; в античной Греции «самый термин “середина” был зачастую синонимичен понятию “блага”» [4, с. 129]. Гармонизирующая роль середины проецируется и в социально-политическую плоскость: пифия советует Солону, намеревающемуся установить в Афинах наилучшие законы, «встать в середине корабля» — середина выступает здесь синонимом одновременно и справедливости, и власти [3, с. 93]; ср., например, иерархию земель, отраженную в ирландских сагах: «...знание на западе, изобилие на востоке, музыка на юге, власть в центре» [цит по: 12, с. 424].

(1) *Екатерина решительна и предприимчива, но как и в прочем держится золотой середины и, не будучи поверхностной, не вдаётся и в глубину [...] недостатки ее элементарны и общепонятны, — увеличенные качества среднего человека; Но я, слава богу, вовремя сознал, что я не более как средний человек, и не сделал ложного шага [...] и в душе моей водворилась полная гармония.* (2) *...средний человек, находит утешение в семье, в размеренном, не превышающем свои силы труде; ...сознает себя средним русским человеком, хочет жить, любить, делать добро в постепенности; Ср.:...рассказами о маленьких идиллиях и драмах простых людей, и в общем получалась картина морально уравновешенной жизни, где нет ни героев, ни рабов, а только — обыкновенные люди; Философия обывателя гибка и мудра. В ней всего в меру; А у нас умеренный ислам, мы обычные люди, такие же, как все.*

Мера-умеренность, равновесие, стабильность — приметы упорядоченного, организованного пространства. Значения середины характеризуют такое «место» в мире, где царит порядок, где предсказуемо действуют известные законы; это область устоявшегося, привычного и понятного, «своего»; это обжитое, окультуренное пространство — пространство жизни людей. В этом плане описываемая средними значениями повседневность противопоставлена всему неведомому, непривычному, неизмеренному, неподчиненному¹. В противостоянии порядка и хаоса для нас наиболее значимо то, что повседневность мыслится пространством принципиально ограниченным². При всей своей проницаемости, открытости иным планам реальности, обыденное всегда существует в неснятой перспективе некоего рубежа; определяющие его значения «середины» оказываются значениями «границы», «горизонта». Последние насквозь пронизывают все семантическое пространство повседневности, в каком-то смысле даже задают его; но прежде всего они чрезвычайно важны для субъекта обыденности: будь это «средний», «обычный» или «простой» человек — он предстаёт как «человек в виду предела».

...Среди многомиллионных полчищ «средних» людей, отгородившихся от всего барьерами мещанства; ...почти всякий средний человек так боится всякой мысли о том, что роднит его с бесконечным, что выходит из тесных и привычных рамок обыденности; Ср.: Но он также принципиально отличается и от возвеличения «маленького человека» путем компенсации его реальной ограниченности и слабости моральной высотой и чистотой; ...среди семидесяти тысяч обывателей, для которых мир был ограничен пределами их мелких интересов.

Значения границы тем более важны для определения «среднего», что вне понятий центра, меры, равновесия середина оказывается трудноопределимой, практически несхватываемой. Не всегда легко ответить на вопрос, что же такое это «среднее», в то время как граница, межа всегда обозначена. Середина обнаруживает себя лишь в присутствии предела, который может быть задан несколькими способами. Во-первых, среднее существует как область, находящаяся «между» двумя противоположностями, одновременно наделяя «среднего человека» присваиваются значениями «промежутка», «прослойки», «буфера» (1). Далее, значения «среднего» реализуются при помощи отрицания противоположностей или указания на отсутствие «крайностей»; середина предстает как существующая в постоянном напряженном отталкивании от неких «полюсов» (2). Наконец, значения «среднего» могут быть заданы отрицанием какого-либо признака, свойства, которые мыслятся как «пограничные», «крайние», «не-серединные», или указанием на их отсутствие. Как правило, отрицание отталкивается от «верхнего» предела, удостоверяя чуждость середине — «глубины», «величины» и «величия» (3); чаще всего «среднее» дано в отрицании «высокого» (4).

¹ В мифологических представлениях разных народов середина-центр как упорядоченное пространство дома, двора, города, «серединных земель», пригодное для жизни, противопоставлено враждебному и бесплодному пространству пустыни, степи, моря, земли чудовищ и великанов. В Древней Греции богиня домашнего очага Гестия была «символом панэллинской общности и, стало быть, центром культурного упорядоченного мира в противоположность окружающему его варварскому хаосу» [3, с. 95]. Эддическая космология помещает в центр мира Мидгард (буквально «средний двор») — обиталище людей; тогда как «в противоположность середине мира, окраина мира — это местонахождение всего злого, страшного, враждебного людям» [5, с. 59].

² Ср. охранительную функцию межи, границы, городских стен, кладбищенской ограды, крепостного рва, реки как рубежа между двумя качественно разными пространствами: защитную роль городских стен: «...прежде чем стать военными укреплениями, они играли роль магической защиты, ибо внутри “хаотического” пространства, населенного демонами и ларвами, подобные стены отграничивали и оберегали пространство организованное, упорядоченное, “космизированное”, иными словами, пространство, имеющее собственный “центр”» [13, с. 185]; ограды (даже условной) вокруг поселения: «в Северной Индии, например, в период эпидемии вокруг деревни проводят особый круг, чтобы помешать демонам болезни проникнуть внутрь очерченного пространства. Установить границу, преграду между двумя гетерогенными пространствами — в этом важнейшая функция «магического круга», столь популярного во множестве маико-религиозных обрядов» [13, с. 185—186].

(1) *Логика: человек смертен, я человек — я умру. Психология: хотя я смертен, я все-таки буду жить так, будто я бессмертен. Между этими группами малых и старых помещается огромная масса, т. е., средних людей.* (2) *Ненависть к людям появляется у типов или очень умных, но злобных, или у очень глупых — и опять-таки при этом злобных. Откуда же она взялась у Клекотова, среднего человека?; ...в современном обществе формируется именно тот тип среднего человека, на который так часто ссылаются и которому одинаково чужды и непонятны и подвиг, и преступление, и душевное благородство, и крайняя душевная низость.* Ср.: *Ведь он не был ни добрым, ни злым, был самым обычным человеком; ...обыкновенных людей, пусть не героев добродетели, но и не чудовищ порока.* (3) *...я хлопочу о средних людях, о людях с средними страстями, с средними характеристиками, с средними способностями. Они не могут совершать великих дел, великих подвигов, великих жертв.* Ср.: *Он был образован и умен и обладал той способностью постижения отвлечённых идей и далёких чувств, которая почти никогда не встречается у обыкновенных людей;* (4) *...подобно тому, как встречаются избранные умы, высоко стоящие над рассудком домашнего животного, именуемого средним человеком, так есть и избранные души, которым доступны вершины любви.*

Середина может приобретать значение «положительной степени сравнения», фигурировать как своего рода «отправная точка», «начальное состояние» — в противоположность некоторому пределу, выраженному превосходной степенью; в наших примерах это значение реализуется в противопоставлении «среднему человеку» — «лучших», «самых...», «совершенного человека».

Лучшие умы напрягались, огромные средства тратились, фантазия у людей работала только для того, чтобы улажить средние чувства среднего человека; Посмотрите-ка, не вы, не я, не нам подобные средние люди, а цветы человечества, самые лучшие, самые мудрые, алкали о справедливости. Ср.: *...«простой человек» в нечеловеческих условиях становится вдруг человеком с большой буквы; Ей предстоит жить не с лучшими из лучших, а с обыкновенными людьми...*

Наконец, в полной мере значения середины как области, заданной пределом, проявляют себя в контекстах, где о «среднем человеке» говорится с точки зрения ограниченности его возможностей, способностей, средств, знания, где настойчиво утверждается его слабость и бессилие, беспомощность и незащищённость. Эти контексты свидетельствуют о постоянном присутствии недостижимого и непреодолимого рубежа в поле значений «среднего человека», субъекта обыденности и шире — в семантике повседневного.

Средний человек, среднего полёта; ...талант — это способности, позволяющие делать то, что недоступно среднему человеку; ...изучение большого числа людей будет не под силу среднему человеку, со средней памятью и умом; Но я, слава богу, вовремя соизнал, что я не более как средний человек, и не сделал ложного шага. Я сказал себе: нет, подвига я совершить не способен... Ср.: ты как простой человек НИЧЕГО не можешь с этим сделать, НИЧЕГО абсолютно; Но что я могу сделать, я маленький человек?; ...обычный человек был бессилён что-либо сотворить; Страшное время свободы выбора, ответственности, совести, по его мнению, не выдержат слабые, грешные, обыкновенные люди.

Итак, повседневность мыслится как пространство, заданное пределом. Этот предел может быть поставлен как «извне» (например, говорящим, стремящимся дистанцироваться от обыденности и его субъекта), так и «изнутри»: сам участник повседневности стремится ограничить избыточное пространство областью «средних значений», провести незримую, но непреодолимую черту, создать «свой круг», «свой мир». Внутри этого предела находится все близкое, родное, знакомое, привычное, измеренное и предсказуемое — «среднее», помещающее «среднего человека» в центр создаваемого им «мирка».

Средний человек, с которым преимущественно приходится иметь дело, всего более ценит возможность свободно устраиваться и распоряжаться в той небольшой сфере, которую он привык называть своею. Ср.: *Обыватель бежит с арены борьбы в тихую обитель снобистского интеллектуализма или мещанского благополучия; ...обыватель, как правило, любит, угнездившись в надёжном убежище, выглядывать оттуда незаметно, наблюдая за происходящим в мире; ...как хочется не быть маленьким человеком, замкнутым в своем мирке...*

Замкнутое пространство — «свой круг» — обеспечивает человеку повседневности сохранность, благополучие, комфорт — состояние гомеостаза. В этот герметичный и целостный «мирок» допускаются мыслимые «выгоды» и «блага» (1); из пределов «своего мира» человек середины стремится исключить все, что представляет угрозу его целостности и комфорту. И если функцией межи, ограды является разграничение гетерогенных пространств, то внутри этой «рамки» пространство должно быть однообразным; так значения «середины» вытесняют, выдавливают «за горизонт» всё, что нарушает однородность «содержимого», не соответствует ему. Субъекта обыденности они приводят к разрыву всяческих связей с тем (и теми), что находится вне «своего круга»; к отсутствию (часто демонстративному) интереса ко всему, что происходит за его пределами; к нежеланию — а затем и невозможности — выхода из «закуленного» пространства (2).

(1) ...Она кровно обидела **«среднего» человека**, для которого **вопрос о целостности шкуры представляется существеннейшей задачей всей жизни**; ...государство имеет дело с массами, оно опирается на **«среднего человека»** и потому какие бы не ставило оно героические задачи (социализм, коммунизм, интернационализм) все это **средний человек переварит на свою личную выгоду**; **Средний человек до болезненности чувствителен к тем благам, совокупность которых составляет жизненный комфорт**. Ср.: Он построен на, мягко говоря, **шкурном интересе обычного человека**, на его желании поймать какую-то выгоду или решить проблему; ...**обыватель**, настойчиво высасывающий **благополучие** из жизни, как жуют американскую жевательную резинку; **Всякий обыватель на весь мир смотрит и всё оценивает *sub specie* интересов своего живота**. (2) **Вовсе не задача простого человека стать или пыжиться стать святым**; Я — **обыкновенный, маленький человек**. Мне судьбою предназначено одно: **жить смиренно и тихо, никуда не суясь, не имея никаких серьезных жизненных задач**; ...обычному человеку объяснить [...] **который живёт сам по себе и не особо интересуется тем / что происходит вокруг**.

Однородность ограниченного пространства «середины» обеспечивается значениями подобия, сходства, неразличимости (1). Они связаны с семантикой большинства и чрезвычайно важны для самоопределения человека обыденности. Однако в своем пределе столь необходимое «среднему человеку» сходство стремится к полному совпадению, тождеству, отсутствию «иного», исключительного. Так что участник повседневности предстает как человек «стертый», лишенный индивидуальных черт, незаметный на общем фоне, не только не различимый, но и лишенный самой возможности различия (2).

(1) **Мы вступаем в эпоху торжества среднего человека**, когда десятки миллионов людей будут жить совершенно **одинаковой жизнью, в одних и тех же условиях и даже внешне станут похожи друг на друга**; Мой отец был **средний человек** — жертва и материал статистики. Таких, как он, в стране жило несколько миллионов, и он **ничем от них не отличался**. (2) ...**дух известной ненависти к лицам, которые по своему положению или материальному достатку выдаются из ряда средних людей**; ...в условиях современной цивилизации неизбежно вырабатывается **средний тип людей, у которых нет резко выраженной индивидуальности, которым поэтому закрыт путь к известности...** **Разница в их происхождении, наследственности, их личных особенностях мало-помалу стирается жизнью, которую они ведут и в которой фактически нет возможности выделиться**.

Человек середины не просто слит с фоном, он и есть этот «фон», «сплошность», «серость». Повседневность и её участники — «средние люди» — оказываются своего рода «средой», «субстратом», «задником», «вторым планом» жизни, на котором разворачиваются «не-средние» (подлинные) события и действуют «не-средние» (настоящие!) люди.

...**Средний человек, субстанция ни то ни сё, серая, поношенная**; **Красота и многообразие нашей Земли, её людей, природы, искусства, героических подвигов остается в подавляющем множестве случаев неизвестна среднему человеку, серому не душой, а своим поразительным невежеством, в узкой и монотонной жизни**; **Остальные двое — так себе, средние люди, серые...**

Описываемая понятием «середины» повседневность обнаруживает себя как замкнутая сфера, стремящаяся к полной унификации своего содержания. Обыденное, «среднее» означает тогда голое, «сплошное», однообразие, незначимость различий и оттенков (1), для участника повседневности это перспектива невозможности и несвободы, а точнее — отсутствие перспективы вообще: «средний человек» становится «человеком без биографии», оказываясь перед несбыточностью собственной жизни, неосуществимостью личного, индивидуального жизненного пути — его заменяет «колея» в запертом пространстве обыденной жизни (2)¹. Так создаваемая по воле

¹ Ср. мифологему пути в фольклоре и художественной литературе: путь — «образ связи между двумя отмеченными точками пространства в мифопоэтической и религиозной моделях мира, т. е. то, что связывает — в максимуме условий — самую отдаленную и труднодоступную периферию и все объекты, заполняющие и / или образующие пространство, с высшей сакральной ценностью, находящейся в центре» [8, с. 75—76]; он предполагает преодоление рубежа, оставление ограниченного, «своего», пространства, выход в некое неизвестное, еще не пройденное «иное». Путь является принципиально неоднородным, иерархизированным, ценностно маркированным пространством; он «строится по линии все возрастающих трудностей и опасностей, угрожающих мифологическому герою-путнику и даже его жизни» [8, с. 76]. Преодоление границ — препятствий, трудностей — и связанные с этим преодолением усилия, борьба становятся залогом обретения высшей ценности: «этот динамический, связанный с максимальным риском образ пути отвечает вероятностному характеру постигаемого мифопоэтическим сознанием мира: значимо и ценно то, что связано с предельным усилием, с ситуацией «или/или», в которой происходит становление человека как героя, как божества или богоподобного существа» [9, с. 352]. Путь является условием обретения человеком себя самого: например, метафора жизненного пути отражает ситуацию, когда среди бесконечного множества возможных человек выбирает свой собственный, принадлежащий ему одному, недоступный повторению. Эта «необщность» проживаемого пути и делает человека — фигурой, героем, персонажем, кем-то выделенным, выведенным из области значений множества и подобия.

человека область средних значений в конце концов ставит его перед лицом всеобщего равенства — «уравнения», где он полностью исчислен, предсказуем, равен себе самому. Сфера обыденного выступает как своего рода математическая функция, оператор, приводящий к общему знаменателю (3).

(1) *...Культурное однообразие средних людей; ...эти оттенки могут легко сгладиться при первом внутреннем перевороте, ведущем к дальнейшей разрушительной ассимиляции... [...] Все идут к одному — к какому-то среднеевропейскому типу общества и к господству какого-то среднего человека.* (2) *Судьбы средних людей — массовое производство, они одинаковы, как банки консервов. Мой отец не имел самостоятельной судьбы; Но я, слава богу, вовремя созная, что я не более как средний человек, и не сделал ложного шага. [...] И когда я твёрдо сказал себе это, всё моё отчаяние, происходившее от бесплодного искания путей, прошло; Как ни тяжёл бывает путь поэта, он не свернёт с него и не променяет его на колею среднего человека.* (3) *...Везде себе верный и всегда на себя похожий, выработавшийся в исторический перл создания и царящий над миром средний человек; Статистики обожают «среднего» человека. Для них он удобен. Он не выкидывает никаких штук и не нарушает закономерностей. Штуки выкидывает человек живой, которого исследует искусство.*

Пространство тождественности, унификации — это пространство, где не только исчезает разность, но и — что особенно для нас важно — где стираются противоположности. Все возможные противоречия даже не разрешаются — они снимаются, сглаживаются, растворяются во всепоглощающем однообразии середины. С одной стороны, в этом заключается сила повседневной жизни, воссоединяющая противоборствующие начала, примиряющая их, дающая покой и утешение. С другой — себя обнаруживает область полного безразличия, равнодушия «среднего человека», не знающего и не желающего знать разницы — между добром и злом, например. Уже нет необходимости делать выбор между ними или же этот выбор определяется удобством, комфортом, «модой» — всё той же индифферентностью середины. Человек, принадлежащий этой середине, предстает как нечто аморфное — человеческое вещество, людская масса, ведомая, лишённая самостояния, только и могущая, что отливаться в заданную границами форму. Образ середины: жёсткие рамки снаружи — безразличная однородная масса внутри.

...Ведь я средний человек, та безразличность, из которой ткётся ткань жизни; ... средних людей, которые могли пойти и за добром и за злом, куда так сказать легче, удобнее, моднее; Это средний человек, один из тысячи Ананиев, в которых добро и зло, свет и тьма, прошедшее и будущее сплетены сотнями узлов и стали сплошной серой житейской тканью; Есть люди особенные, выдающиеся, сильные, которые делают своё время, дают имя целой эпохе, и есть люди средние, почти бесформенные.

Итак, что же дают значения середины человеку повседневности? Это, прежде всего, установка на равновесное состояние, стабильность, устойчивость мира повседневной жизни; это возможность границы, ограды, которая способна защитить от пугающей бесконечности, непредсказуемости, неизвестности мира; это «свой круг», в центре которого — сам человек и всё, ему близкое, привычное, знакомое и дорогое; это сглаживание противоречий, стирание различий, могущих поколебать равновесное состояние; это стремление к абсолютному покою, отсутствию возмущений (1).

Цель всего — средний человек; буржуа спокойный среди миллионов точно таких же средних людей, тоже покойных. Ср.: Чего хотят простые люди? Спокойствия; ...обыкновенного человека, который хочет только одного — спокойно жить, не думая ни о чём; ...не превратятся в спокойно-равнодушных обывателей-созерцателей.

Но одновременно «зона абсолютного покоя» может вдруг оказаться выхолащенным пространством, лишённым свойств, единственной характеристикой которого остаётся отсутствие всего, что не есть оно само. Спокойствие «среднего» предстаёт как сплошное отсутствие, «минус», и обнаруживает свою связь с небытием, хаосом, Ничто. И царство обыденного постольку, поскольку оно определяется понятиями середины, оборачивается пустым пространством, лишённым благодати, невозможным, невыносимым для человека¹.

...Обычная апатия среднего человека [...] Такое сомнительное содержание жизни Имярека должно было дать и соответственные результаты. А именно: в смысле общественного влияния — полная неизвестность; в смысле личной жизни — оброшенность, пренебрежение, почти поругание; Смиренный, вечный секретарь, порядочный, средний человек, находит утешение в семье, в размеренном, не превышающем свои силы труде. [...] В этом обществе не может быть людей милостью Божией (благодатных).

¹ Связь безразличия и отсутствия благодати четко прослеживается в христианской традиции: равнодушные ведёт к богооставленности, потере смысла, перспективе небытия (ср. «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши... знаю твои дела; ты ни холоден ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 14—16).)

Кроме того, середина часто представляет собой не просто замкнутое, но стремительно сужающееся пространство: поэтому так часты свидетельства связи обыденности — и тесноты, толчеи, узости, невозможности выхода в широту и беспредельность «другого», подлинного, мира¹.

*Почему же в этот короткий миг своей жизни почти всякий **средний человек** так боится всякой мысли о том, что роднит его с бесконечным, что выходит из **тесных** и привычных **рамок обыденности**, и строит свою жизнь как будто нарочно так, чтобы вовсе не дать в ней места ничему духовному; Всюду под его пером проходит толкующийся на всех **стопках жизни** [...] **средний человек**; ... **средний человек**, которым кишит вселенная; Это все лишь орудия смешения — это **исполнинская толчея** [...] Цель всего — **средний человек**...*

Ограниченное и однородное пространство середины коллапсирует в точку — и в этой точке уже буквально «нет места» человеку; он вытесняется, остаётся лишь — единица, стремящаяся к нулю, исчезающе малая величина (поэтому количество средних людей всегда выражено очень большими числами), статистический показатель, «процент».

*...Народ оставил нам достаточно памятников своей религиозной жизни, притом и в своей **совокупности**, и в лице отдельных своих **единиц**, сложение которых тоже дает **совокупность**. Итак, какую роль играли боги Олимпа в жизни общин по свидетельству их избранных представителей? И какую в жизни «**среднего человека**», создающего своим **многочисленным повторением** ту же общину; Всюду под его пером проходит толкующийся на всех **стопках жизни**, **оттиснутый в миллионах экземпляров** [...] **средний человек**... Ср.: *Мой отец был **средний человек** — жертва и материал статистики. [...] Над ним возвышалась иерархия начальников, командиров, властей, которые следили, чтобы отец не выходил из **среднего процента**.**

Так, принадлежащий середине человек наследует ее свойства; становится лишь «внешностью», оболочкой, формой, стремительно теряющей своё содержание. Его преследуют значения неопределённости — о нём невозможно сказать что-либо конкретное (1), так как любая характеристика способна наполнить пустую форму, придать человеку середины очертания, лишить его аморфности, сделать его фигурой — в противовес фону; вывести его из области средних значений. Тогда как «средний человек» — несхватываемая неопределённость, сплошное отсутствие, нет ничего, чем он мог бы быть; он — Никто, воплощённая анонимность, лишённая собственного имени и лица (2).

¹ О срединном пространстве как «обуженном», безвыходном и безблагодатном говорит В. Н. Топоров, характеризуя «середины» как косное пространство максимальной несвободы, упоминая такие ее характеристики, как узость, тесноту, духоту, спертость, указывая на связь образа середины с толпой и человеком толпы [7, с. 204]. Связь концептов страха, тоски, ужаса — и узости, тесноты, удушья отмечает Ю. С. Степанов [6, с. 670—693]. Образ небытия как ограниченного узкого «места» встречается в художественной литературе — мысль о вечности («на аршине пространства») преследует Раскольников: «Какая-то особенная тоска начала сказываться ему в последнее время. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовалось безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вечность на “аршине пространства”» [1, с. 372]; Свидригайлову «мерещится» вечность как лишенное «широты» пространство: «Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» [1, с. 251]. Мотив воскрешения, победы жизни над смертью дан в «Преступлении и наказании» как «пространственное развертывание из предельной замкнутости (могила, подполье, каморка, аршин пространства) — в предельно широкое, разомкнутое в мир и вселенную пространство» [11, с. 57]. Связь суживающегося пространства и хаоса, небытия утверждается в исследовании В. Н. Топорова, посвященном пространственности текста: «Современные исследования феномена смерти и продолжения жизни после смерти тела, как бы к ним ни относиться, восстанавливают картину, многократно описанную в произведениях художественной литературы как переход из широкого и открытого пространства жизни в узкое и замкнутое пространство смерти, стремящееся к нулю (ср. столь важное в древнеиндийской мифопоэтической модели мира противопоставление *amhas*, обуженного пространства, сопричастного хаосу — скорее самого хаоса, в котором, строго говоря, пространства нет и не может быть, и *uci loka*, мира широких пространств, неотъемлемых от космизированного состояния Вселенной)» [8, с. 69]. Интересны образы «тесноты», «скорби», «бездны» — и простора, «пространства» в 117-м псалме Давида: «Из тесноты воззвал я к Господу, — и услышал меня, и на пространное место [вывел меня] Господь» (Псалтирь, 117:5), ст.-слав. «От скорби призвах Господа, и услыша мя в пространство», известен перевод «Из бездны взываю...»; в иудейской традиции этот стих звучит как «Из тесни воззвал я к Б-гу — простором ответил мне Б-г» (Теилим, 118:5). Под «теснотой» подразумевается вавилонский плен и — шире — тяжелое положение вообще, а также плен духовный. В иудаизме «теснина» трактуется как галут (букв. изгнание) — изгнание евреев из земли обетованной, разрушение Иерусалимского Храма; талмудические источники свидетельствуют: страдание, причиняемое галутом, равно «всем другим мукам вместе взятым» (Сиф. Втор. 43); оно «подобно смерти и бездне» (Мид. Пс. 71:4); в изгнании народ Израиля — «нищий» (там же 9:15), «лишенный всякой гордости» (Хаг. 56). Так, «теснота», «теснина» предстает безблагодатным пространством унижения, лишения, несвободы, небытия — в противоположность «простору», обретению единства с Богом. Наконец, как коллапсирующая длительность — «здесь» и «теперь» — предстает смерть и ад в философских построениях П. Флоренского [10, с. 206, 211].

- (1) *Такой... ну... Она задумалась. — Никакой, абсолютно никакой. Средний человек;*
 (2) *Средний человек, словно смешали миллион лиц, и вылепили одно общее; Ср.: ...во мне нечего знать, я рядовой, средний человек. Нас, Джонов Джонсонов, в одной только телефонной книге Лондона сто четырнадцать человек, различающихся лишь номерами домов и названиями улиц. [...] А я... кто такое я?*

Наконец, коллапсирующее пространство середины окончательно «выдавливает» человеческое из человека, лишает его собственного бытия, оставляя ему лишь животное, вещное, предметное «наличие»:

...Довольствоваться тихими радостями вегетативного бытия среди многомиллионных полчищ «средних» людей; ...избранные умы, высоко стоящие над рассудком домашнего животного, именуемого средним человеком; средний человек, забыв о своем лично-безумном исходе, весь уходит на приспособление и существует, как резиновый буфер; Ведь я средний человек, та безразличность, из которой ткётся ткань жизни, и поэтому рассуждаю, как нитка в материи...

Такова, в общем, область значений, задающих семантическое поле «среднего человека» как субъекта повседневности. Своего рода «центром притяжения» смыслов в этой области являются значения середины как ограниченного пространства; и повседневность, определяемая понятиями середины, также мыслится как длительность, заданная пределом. Этот предел несёт оградительную функцию, формирует жизненное пространство человека, делает возможным существование «своего» — знакомого, близкого, дорогого; устанавливает порядок и равновесие внутри ограниченного пространства, обуславливает устойчивость мира и человека в нём. И этот же предел способен ограничить человека значениями сплошного отсутствия, невозможности и несвободы. Как получается, что из области гармонии и благодати середина превращается в выхолощенную длительность, лишённую перспективы, что повседневное пространство жизни способно обернуться «узким местом» небытия? Идёт ли речь об амбивалентности смыслов, имманентной области средних значений, или здесь имеет место семантическая трансформация, переход, обусловленный спецификой обыденного? Ответ на эти вопросы требует как дальнейшего изучения обыденного дискурса, так и более пристального взгляда на феномен повседневности.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. — Харьков : Вища школа, 1983. — 480 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>. — Заглавие с экрана.
3. Рабинович Е. Г. «Золотая середина»: к генезису одного из понятий античной культуры / Е. Г. Рабинович // Вестник древней истории. — М. : Наука, 1976. — № 3 (137). — С. 92—107.
4. Рабинович Е. Г. Середина мира / Е. Г. Рабинович // Мифы народов мира : Энциклопедия. — М. : Сов. энциклопедия, 1980. — Т. 2. — С. 128—129.
5. Стеблин-Каменский М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский. — Л. : Наука, 1976. — 103 с.
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
7. Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : Избранное. — М. : ИГ «Прогресс» — «Культура», 1995. — С. 193—258.
8. Топоров В. Н. Пространство и текст // В. Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. — Т. 1: Теория и некоторые частные её приложения. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — С. 55—120.
9. Топоров В. Н. Путь / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : Энциклопедия. — М. : Сов. энциклопедия, 1980. — Т. 2. — С. 352—353.
10. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / Павел Флоренский. — М. : АСТ, 2005. — 633 с.
11. Хоц А. Н. Структурные особенности пространства в прозе Достоевского / А. Н. Хоц // Достоевский: материалы и исследования. — СПб. : Наука, 1994. — Т. 11. — С. 51—90.
12. Шкунаев С. «Похищение быка из Куальнге» и предания об ирландских героях / С. Шкунаев // Похищение быка из Куальнге. — М. : Наука, 1985. — С. 382—447.
13. Элиаде М. Трактат по истории религий : в 2 т. / М. Элиаде. — СПб. : Алетейя, 1999. — Т. 1. — 301 с.

References

1. Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie / F. M. Dostoevskij. — Har'kov : Vyshha shkola, 1983. — 480 s.
2. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>. — Zaglavie s ekrana.
3. Rabinovich E. G. «Zolotaja seredina»: k genезisu odnogo iz poniatij antichnoj kul'tury / E. G. Rabinovich // Vestnik drevnej istorii. — M. : Nauka, 1976. — № 3 (137). — S. 92—107.

4. *Rabinovich E. G.* Seredina mira / E. G. Rabinovich // Mify narodov mira : Enciklopedija. — M. : Sov. enciklopedija, 1980. — T. 2. — S. 128—129.
5. *Steblin-Kamenskij M. I.* Mif / M. I. Steblin-Kamenskij. — L. : Nauka, 1976. — 103 s.
6. *Stepanov Ju. S.* Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija / Ju. S. Stepanov. — M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. — 824 s.
7. *Toporov V. N.* O strukture romana Dostoevskogo v sviazi s arhaicheskimi skhemami mifologicheskogo myshlenija («Prestuplenie i nakazanie») // V. N. Toporov. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopojeticheskogo : Izbrannoe. — M. : IG «Progress» — «Kul'tura», 1995. — S. 193—258.
8. *Toporov V. N.* Prostranstvo i tekst // V. N. Toporov. Issledovanija po etimologii i semantike. — T. 1: Teorija i nekotorye chastnye ejo prilozhenija. — M. : Jazyki slavianskoj kul'tury, 2004. — S. 55—120.
9. *Toporov V. N.* Put' / V. N. Toporov // Mify narodov mira : Enciklopedija. — M. : Sov. enciklopedija, 1980. — T. 2. — S. 352—353.
10. *Florenskij P. A.* Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoj teodicej / Pavel Florenskij. — M. : AST, 2005. — 633 s.
11. *Khoc A. N.* Strukturnye osobennosti prostranstva v proze Dostoevskogo / A. N. Khoc // Dostoevskij: materialy i issledovanija. — SPb. : Nauka, 1994. — T. 11. — S. 51—90.
12. *Shkunaev S.* «Pohishhenie byka iz Kual'nge» i predanija ob irlandskih gerojah / S. Shkunaev // Pokhishhenie byka iz Kual'nge. — M. : Nauka, 1985. — S. 382—447.
13. *Eliade M.* Traktat po istorii religij : v 2 t. / M. Eliade. — SPb. : Aletejja, 1999. — T. 1. — 301 s.

КАРДАШОВА Олена Володимирівна,

викладач кафедри російської мови Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна; Харків, Україна;

e-mail: murzila@ukr.net; тел.: + 38-093 3537430

«БАЙДУЖІСТЬ, ІЗ ЯКОЇ ТЧЕТЬСЯ ТКАНИНА ЖИТТЯ»: «СЕРЕДНЯ ЛЮДИНА», СУБ'ЄКТ ПОВСЯКДЕННОСТІ

Анотація. Публікація присвячена проблемі визначення суб'єкта буденного дискурсу. Суб'єкт буденного дискурсу може бути описаний за допомогою звернення до стереотипних моделей ідентифікації та самоідентифікації, таких як «проста людина», «звичайна людина», «обиватель», «середня людина». Кожна з моделей має цілий спектр значень, які актуалізуються в тій чи іншій мовленнєвій ситуації. Конкретизуючи значення, властиві стереотипним моделям, можна встановити, яким чином концептуалізувати суб'єкт буденного дискурсу у свідомості носіїв російської мови. Модель «середня людина» виявляє значення «середини» як обмеженого простору, важливе для розуміння сфери буденного.

Ключові слова: повсякденність, буденний дискурс, суб'єкт буденного дискурсу, стереотипна модель ідентифікації, «середня людина».

Yelena V. KARDASHOVA,

Lecturer of the Russian Language Department of Kharkiv Karazin National University; Kharkiv, Ukraine;

e-mail: murzila@ukr.net; tel.: + 38-093 3537430

«INDIFFERENCE, FROM WHICH THE FABRIC OF LIFE IS WEAVING»: «THE AVERAGE PERSON», THE SUBJECT OF EVERYDAY LIFE

Summary. The publication is devoted to the definition of the person of ordinary discourse. The person of ordinary discourse can be described by means of stereotypical models and self-identification such as «commoner», «man in the street», «everyman». Each of them has a range of meanings which are specified in different speech situations. Determining meanings of stereotypical models we define the person of ordinary discourse conceptualized in the minds of the Russian-speaking people. «Average person» model detects important for understanding the commonness of «middle as the limited space» meanings.

Key words: everyday life, ordinary discourse, person of ordinary discourse, stereotypical identification model, «average person».

Статтю отримано 27.10.2014 р.